

ИСТОРИЯ НАУКИ

Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии.
2012. – Т. 21, № 3. – С. 175-187.

УДК 58(092)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ Л.Г. РАМЕНСКОГО В ЛИЧНОМ АРХИВЕ В. Л. КОМАРОВА

© 2012 В.Б. Голуб, Л.Ф. Николайчук

Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти (Россия)

Поступила 12.08.2012

«Большое видится на расстоянии...» - эти слова поэта, как нельзя кстати можно отнести к фигуре Леонтия Григорьевича Раменского. Чем больше времени отделяет нас от ухода из жизни этого человека в 1953 г., тем ощутимее становится его вклад в науку, причем в разные ее отрасли (экологию, фитоценологию, географию, сельское хозяйство). Опубликованные некрологи и юбилейные статьи в силу своего формата и ограниченного размера не могут удовлетворить возрастающего интереса к жизни, творчеству Раменского, его характеру.

Некоторый дополнительный свет на личность Раменского и его деятельность проливают письма, которые он в течение 37 лет с 1907 г. по 1944 г. посылал известному российскому ботанику В.Л. Комарову, ставшему в 1936 г. президентом АН СССР. Эти письма хранятся в личном архиве академика Комарова в деле № 1230 (опись 4).

Всего в архиве Комарова находится 36 писем Раменского. Ряд из них содержат приложения (рецензии, ответы на них, тезисы доклада). Эти письма интересны тем, что дают возможность в некоторой степени воссоздать психологический портрет их автора. К сожалению, не на всех письмах указаны даты их отправления, но по их содержанию можно примерно определить, когда они были написаны.

Письма 1907-1911 гг. относятся к периоду, когда Раменский, будучи студентом, под руководством Комарова занимался изучением озер и болот северо-запада России, а также принимал участие в Камчатской экспедиции (1908 г.). Послания этих лет по большей части имеют характер отчетов о проделанной работе или касаются организации экспедиций. Первое из них написано 19.06.1907 г.¹ с места проведения полевых работ в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии (ныне Ленинградская обл.). Можно думать, что это был первый для Раменского полевой сезон. Он пишет Комарову «Приезжайте – выручайте!», так как он со своим коллегой, студентом, В.П. Савичем² «путаются» в определении многих растений. В

Голуб Валентин Борисович, доктор биологических наук, профессор, vbgolub2000@gmail.com; *Николайчук Людмила Федоровна*, кандидат биологических наук

¹ Письма, отправленные до 1918 г., датируются по старому стилю, позже – по-новому.

² Савич Всеволод Павлович (1885–1972) – в последствие известный советский ботаник-лихенолог.

письме Раменский отчитывается в результатах исследований и излагает планы на ближайшие дни. Из этого письма ясно, что в полевых работах принимал участие и сам Комаров: участники экспедиции ждут его приезда через несколько дней, и Раменский объясняет ему, как добраться до места их базирования. Заканчивается это письмо припиской: «Простите за нескладицу письма, устал, Савич болтает, мешает всегдашнее беспокойство за успех экскурсии».

28 января 1908 г. Раменский, находясь в Санкт-Петербурге, посылает Комарову скетч, навеянный мыслями о предстоящем путешествии на Камчатку. В сопроводительном письме он, как бы между прочим, спрашивает мнение Комарова о своей рукописи, касающейся моренных озер Ямбургского уезда. Он обращает внимание на то, что в ней «скрыт» его метод, который ему самому кажется «необыкновенным» и «пустой фантазией». Вероятно, речь идет об идеях непрерывности растительного покрова и экологической индивидуальности видов растений, которые чуть позже, в марте 1908 г., были изложены на заседании Петербургского общества естествоиспытателей в докладе «О сравнительном методе экологического изучения растительных сообществ»¹. Скорее всего, «пустой фантазией» свой метод Раменский называет из-за опасения услышать отрицательное мнение Комарова о действительно «необыкновенных» для того времени взглядах. Жаль, что мы не знаем, как отозвался об этих идеях Комаров.

Несколько писем 1908-1909 гг. говорят о том, что Раменский был активным членом студенческого ботанического кружка при Петербургском университете. Руководил этим кружком Комаров. Встречался Раменский с руководителем кружка, как видно, часто в Санкт-Петербургском ботаническом саду, где Комаров работал по совместительству в отделе систематики высших растений. Вот фрагмент одного письма этого периода: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич! Обращаюсь к Вам с просьбой: оказывается, для устройства экскурсии ботанического кружка в Лесной институт теперь нужно, чтобы руководитель кружка обратился к директору института Коссовичу. Поэтому очень прошу Вас для кружка написать директору небольшое письмо, без всяких формальностей (хотя бы вроде: «покорнейше прошу разрешить студентам ботанического кружка посещение ботанического учреждения Лесной институт предположительно на воскресенье 15-го в 11.30 с. г. Руководитель...») – По словам Сукачева² об отказе не может быть речи, поэтому я и разослал уже повестки. Завтра буду в Ботаническом саду и увижусь с Вами.....».

К 1909 г. Раменский и Комаров видимо настолько сблизились, что студент Раменский мог зайти к своему преподавателю домой, и, похоже, без предварительной договоренности. Так, например, начинается письмо Раменского от 17. 03. 1909 г.: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич, был я у Вас сегодня, но дома не застал. Увидеться нам, конечно, следует, но вряд ли удастся это раньше пятницы – дня, когда я снова буду в Ботаническом саду».

Далее в письмах следует перерыв до 1916 г. Из трех писем, относящихся к этому году, следует, что Раменский вместе с Комаровым в 1915-1916 гг. работал в

¹ Информация о докладе Раменского с таким названием содержится в «Русском ботаническом журнале». 1908. № 1-2. стр. 86. С докладом, который был также озаглавлен, и содержание которого было опубликовано, Раменский выступил на 12-м съезде русских естествоиспытателей и врачей в 1910 г. (Раменский, 1910).

² Будущий академик В.Н. Сукачев, работал в Лесном институте 1908-1909 гг. в должности ассистента.

Неврологическом институте, где Комаров заведовал кафедрой ботаники. Из одного письма видно, что к этому времени Раменский был уже женат: он просит разрешить ему не приходить для чтения лекции из-за болезни супруги¹.

Следующее по времени письмо отправлено из Перми 3.11.1917 г. В нем Раменский сообщает, что собирается выехать в Павловск (Воронежская обл.), и просит для сохранности перевезти его вещи с квартиры, где он ранее проживал в Петрограде, в Гербарий Ботанического сада. Примечательно начало письма: «Дорогой Владимир Леонтьевич, во-первых, как-то Вы сейчас (поневоле боязно сейчас за Вас и за всех петроградцев)?» Раменский, конечно, имел в виду беспорядки в Петрограде, вызванные октябрьским переворотом.

В стране бушует гражданская война. Заботой проникнуто письмо Комарову, отправленное в ноябре-декабре 1919 г. (точной даты нет) из Воронежа. Приводим его фрагмент.

«Как живете? Эх, приехали бы в Воронеж (здесь кафедра описательной ботаники упорно пустует), хотя и здесь голодали бы, да все ж не тоже в сравнении с Петроградом, поправили бы немного здоровье и отдохнули бы от многоделья. Пустая фантазия, знаю. А кабы обернулась правдой, - как бы я был рад!»

Затем следуют строки с рассказом Раменского о собственной жизни. «Я здесь «преуспеваю», но не процветаю. Туберкулез мой не сдаётся – кашляю понемногу (да не страшно, чуть- чуть). Кроме лугового исследования, взялся за новое ответственное дело, заделался заведующим земским естественно-историческим музеем; хочу из ничего, из наличной мерзости запустения воздвигнуть некую храмину (становлюсь, так сказать, пачоским²), что-то выйдёт! Работы тьма, а сил немного и сотрудников дельных нет и нет!

Вот теперь у Вас фронт близко, а я осенью 3 с половиной месяца переживал его прелести, 3 месяца жил под властью казаков, подвергся ограблению, бедствовал без средств, отрезанный от Воронежа. Луг, где я жил в октябре, долгое время был ареной военных действий... К началу апреля нового стиля снова отправляюсь из Воронежа на луга».

Содержание приведенного абзаца может служить сюжетом сюрреалистической картины: худой молодой человек ползает на четвереньках по осеннему мокрому лугу, производя геоботанические учеты, а вокруг рубятся красные и белые конники.

В этом письме несколько слов о семье. «Жена и сынишка (коему недавно минуло 7 мес.) живут в Хлевном (пока) уезде, а бывшая семья тоже устроилась в Воронежской губернии, но менее благополучно».

О семейных проблемах Раменский делится с Комаровым и в другом письме без сохранившейся даты. Предположительно написано оно был в 1917–1919 гг. Начинается оно с полуфразы: «...и душевно ушедших друг от друга родителей пугала не меньше. Останься я дома, с ними, - не было бы для них здоровой обстановки, настоящей семьи.

¹ В 1915 г. в семье Раменского родилась дочь Марианна, ставшая известным ботаником. Умерла в 1991 г.

² Пачоский Иосиф Конрадович (1864-1942) - русский и польский ботаник и энтомолог. В 1897-1920 гг. был заведующим естественно-историческим музеем в Херсоне.

Не осуждайте меня: мне пришлось очень много пережить, всячески передумать и перемучиться и не легкомысленно решился я на разрыв. Из двух зол было выбрано меньшее (хотя и сгибаемся мы сейчас оба под его тяжестью)».

Письмо от 16.10.1920 г. приведем полностью. «Дорогой Владимир Леонтьевич, пишу Вам без специальной нужды, просто хочется издали позжать Вам руку, напомнив о себе. Мне было очень приятно слышать (от А.Н. Данилова, с которым я встретился на съезде по прикладной ботанике¹), что Вы неплохо себя чувствуете и все с той же энергией неустанно работаете. Признаться, увидел на съезде Данилова, Л.А. Иванова, поговорил с ними, - и так и пахло стариной и живо захотелось опять в Питер. Сейчас-то это невозможно; я слишком связан с Воронежем (незавершенное еще луговое исследование, заведывание естественно-историческим музеем, работа в институте, в Хреновской и Каменной степи...), но в будущем, если надумаюсь вернуться, к первому за содействием обращусь к Вам. Очень мне приятно было узнать, что Вы преподаете теперь в университете и что скоро можно будет титуловать Вас «акад.» (поздравляю!²).

О себе хорошего скажу немного: постарел, сильно поседел, кашляю (туберкулез левого легкого), ослабел физически и с этой весны вследствие не прекращавшейся работы и плохого питания нахожусь в состоянии непрерывного переутомления. Впрочем, экологическое обследование лугов, которое я веду с 1912, развилось и кое-какие научные результаты имеются. Сейчас пишу, не без надежды издать в скором времени, пока вступительную общего значения статью и определитель луговых трав по вегетативным признакам.

Был бы очень счастлив, получить от Вас весточку, узнать от Вас как Выживаете, что работаете и какие планы развиваете. С великим бы наслаждением работал бы впоследствии с Вами.

Привет Марии Романовне³.

Ваш Л. Раменский.

Воронеж, сельскохозяйственный институт, 16.10.1920».

Вышеприведенное письмо от следующего в архиве Комарова отделяют 10 лет. Раменский жил в это время в поселке Качалкино под Москвой. Здесь он работал в Институте кормов, куда перешел в 1928 г. В письме от 30.10.1930 г. он обращается с просьбой «рекомендовать ботаника на должность заведующего «ботанической лабораторией» Всесоюзного Института Лугов и Пастбищ (гербарий, питомники, работа в природе). Общую программу работ ботанической лаборатории прилагаю. Штат лаборатории 2-3 научных работника, в перспективе – расширение. В настоящее время только одна постоянная научная работница, занимающаяся вегетативными признаками растений. В настоящее время сдаю в печать 1-й том определителя по вегетативным признакам.

Желателен человек не старый, не связанный привычными навыками и традициями, склонный к экологическому и географическому уклону и к ведению объективных методов исследования. Ему придется вложить много охватит территорию всего Союза по связи с экспедициями Института. Очень существенна для кандидата его способность и склонность к коллективной постановке работы, способность

¹ I Всероссийский съезд по прикладной ботанике проходил в сентябре 1920 г. в Воронеже.

² Осенью 1920 г. Комаров по результатам плебисцита среди ботаников был рекомендован для избрания в число академиков РАН.

³ Мария Романовна Комарова – первая жена В. Л. Комарова.

подняться над узко личными интересами (авторство и т.д.) – Вы знаете, какие нездоровые формы часто приобретает эта тенденция. Особо больших научных заслуг не требуется, но необходима наличность известной школы, самостоятельных научных трудов и очень дорога Ваша рекомендация. В Москве подходящего кандидата как бы нет. Ответом хотя бы самым кратким очень обяжете.

Надеюсь этой зимой побывать в Ленинграде и повидать Вас.»

В строках этого письма можно почувствовать спокойствие и удовлетворенность Раменского новым местом работы, а также открывающимися перспективами. Однако через несколько лет тон писем изменился. 22.05.1937 г. Раменский пишет Комарову: «обращаюсь к Вам за возможной помощью зная, что в свое время Вы неплохо относились ко мне как к человеку и научному работнику. Я беспокоюсь за перспективы своих работ методического характера и их реализацию. Внутренние, скрытые перспективы этих работ – громадны (по моему убеждению), современные внешние условия для их развития и реализации – мизерны. Третий год лежит без движения рукопись моей большой работы, мои средства и возможности по Институту кормов – ничтожны, я не даю и десятой доли того, что мог бы и должен был дать (и это я сознаю очень остро)».

Далее в этом письме Раменский просит рассмотреть возможность его перехода в систему Академии наук для должного разворачивания там его исследований, связанных с разработкой методики почвенного и геоботанического изучения земель. Он пишет: «в Институте кормов я серьезных перспектив не вижу». Он просит Комарова: «уделите мне час для откровенной беседы. Я убежден, что не обману Вашего доверия, которое Вы мне, может быть, окажете. В случае согласия, Вы может быть назначите мне время и место для встречи...». Следует привести и конец этого письма: «Услышав (т.е. узнав из газет), что Вы стали президентом Академии наук, я искренне порадовался – я всегда относился к Вам с уважением и любовью; но я до такой степени «неофициальный» человек, что мне не пришло в голову, что Вам будет приятно получить от меня письмо с поздравлением (мне указали это, к сожалению, долго спустя)¹. Я знаю, что Вы глубже всех условных официальных».

В письме от 4.12.1937 г. Раменский опять пишет о своих планах перехода на работу в систему Академии наук. В это время Комаров, как президент АН СССР, вероятно, уже жил в Москве.

«Дорогой Владимир Леонтьевич, 8-го декабря в 12 ч. дня я делаю доклад в СОПС² у Мартынова – об инвентаризации и своих методических работах. Возможно, что они не прочь будут вовлечь меня в работу СОПС. Буду согласен, если мне дадут возможность вести исследовательскую работу по комплексному исследованию земель и методу комплексных исследований. Был бы очень рад, если бы Вы нашли возможным заглянуть 8-го в СОПС, но конечно не надеюсь, зная Вашу занятость. Возможно, если мои разговоры в СОПС будут перспективны, я буду просить Вас помочь мне там устроиться. Перспектива переезда в Ленинград (в БИН) меня не пугает, но у меня нет там жилплощади и мне необходимо для сохра-

¹ Выборы Комарова президентом Академии наук состоялись на Общем собрании АН СССР 28-29 декабря 1936 г.

² СОПС - Совет по изучению производительных сил, который в 1930-1960 гг. был в подчинении Академии наук СССР, а председателем Совета в 1936-1945 гг. был Комаров. Раменский некоторое время по совместительству работал в СОПСе.

нения преемственности в работах, иметь хотя одного старого сотрудника (персонально – С. Д. Рубашевскую, кандидата с.х. наук: она 9 лет работает со мной и для меня, у нее на руках основной материал по нашим работам, еще далеко неполно использованный). Если это возможно, тогда БИН для меня – дело бытовое».

За 1939 г. в архиве Комарова хранятся 4-е письма от Раменского. Письмо от 16.04.1939 г. написано с большой экспрессией и его стоит привести полностью.

«Дорогой Владимир Леонтьевич, с опозданием (был вызван в Институт кормов) доставляю краткие записки о районировании и о моей работе в СОПС. Сегодня вечером занесу свою рукопись¹. Буду просить Вас просмотреть в ней хотя бы общие принципиальные главы.

Владимир Леонтьевич, заверяю Вас, что дело о моей работе – не мое личное, это дело очень широкого теоретического и практического значения. Я знаю, что я прав, что начатое мной дело – это крупная реформа и подъем на новый высший методологический уровень ряда научных дисциплин. Я подходил добросовестно, проверяя каждый шаг. Десять лет испытаний новых приемов и их применения на практике дают мне право говорить категорически, уверенно. Тем тяжелее и обиднее мне видеть кругом стену недоверия, недоброжелательства, нежелания отнестись добросовестно, подлые жульнические приемы критики по методу «кривого зеркала» (группа Прасолова²). Может быть Вам некогда знакомиться подробно и вникать в мою работу; но Вы давно знаете меня, поверьте, я не стал ни глупее, ни менее добросовестным и говорю дело. Помогите мне преодолеть эту стену! Мне нужно признание моей темы в стенах АН, сохранение минимальной рабочей силы – хотя бы в лице сотрудницы (С.Д. Рубашевской), в течение 11 лет помогающей мне, ведущей основную методическую работу, болеющей ею, имеющей на руках наш основной исследовательский материал. Нужно – печатание...

Помогите мне; я не знаю, много ли мне осталось жить, и мне горько думать, что мне не удастся поставить на ноги то, что стало задачей моей жизни, ... что меня м. б. откроют после смерти - когда «дойдут», как в свое время открыли Менделя.

У меня достаточно положительных отзывов и рецензий, вполне официальных (но, правда, может быть не глубоко проникающих). Мой авторитет в Институте кормов достаточно высок (но И.К. – не моя линия, я для И.К. слишком теоретик, слишком общие вопросы решаю; нам не по пути). Я не о «благополучии» забочусь.

Я не могу примириться с мыслью, что мою работу в АН втихомолку задушат, мимоходом. Я считаю, что имею право на внимание и условия для работы; готов поставить вопрос ребром. Ведь пишут же сейчас о внимании к изобретателям. Если Вы сочтете целесообразным – я обращусь в Президиум АН с официальным заявлением. Кроме того, напоминаю Вам о давно поданной Вам просьбе назначить, если можно, заседание с дискуссией о моих методических работах³, заседание, на котором я смогу показать истинную ценность и моральный уровень примененных ко мне полемических приемов.

¹ Речь идет по всей вероятности о рукописи книги «Опыт рационализации комплексного почвенно-геоботанического изучения земель»

² Академик Л.И. Прасолов – директор Почвенного института им. В.В. Докучаева АН СССР.

³ В отличие от всех других подчеркиваний, сделанных Раменским ручкой, этом месте текст подчеркнут, карандашом, возможно, Комаровым.

Я не могу молчать, Владимир Леонтьевич. Мой долг – бороться за то, что я признаю как истинное и плодотворное, как нужное в нашей социалистической стройке.

Простите за длинное письмо; не сумел сказать кратко и спокойно. Подойдите к этому делу принципиально – Вы не ошибетесь».

Автограф из письма Л.Г. Раменского В.Л. Комарову от 16.04.1939 г.

Упоминание Раменским Менделя, в качестве примера ученого, открывшего законы, объясняющие механизм наследования, которые не были признаны при его жизни, вызывает горькое чувство. В 1939 г., генетика или, как ее презрительно именовали в это время в нашей стране, «менделизм-вейсманизм-морганизм» – была уже официально отнесена к разряду «лженаук». И Комарову, который был инициатором создания Института генетики, в силу его положения приходилось сидеть в президиуме на судилищах, когда ее клеймили с высоких трибун (Савина, 2012).

26.04.1939 г. Раменский передает Комарову рукопись своей книги «Опыт рационализации комплексного почвенно-геоботанического изучения земель». В сопроводительном письме он пишет: «На титульном листе провизорно поставлены Вы в качестве редактора, – Вы сами решите. На этот случай вложил казенные анкеты. Конечно, я буду глубоко признателен, если Вы согласитесь быть крестным отцом моей работы – наиболее значительной из всего, что я до сих пор писал».

Письмо от 24.06.1939 г., отправленное из Махачкалы содержит просьбу. «Прошу Вас, если можно, провести официальное признание моей темы в СОПС (заявление прилагаю). Если окажется возможным, прошу уделить на тему средства, хотя бы в размере 5.000-10.000 (оплаты техников и небольшой полевой работы). Глубоко обяжете меня, если поможете с темой – это для меня очень существенно. Я все более убеждаюсь в том, что мне следует переключиться из Института кормов на Академию: никак не чувствую себя агрономом...».

Далее упоминается рукопись, о которой шла речь в предыдущем письме: «Владимир Леонтьевич, помогите мне с печатанием рукописи – она лежит у Вас, и без Вашей путевки будет лежать без движения. Не могу выразить, как важна для меня публикация этой работы – наиболее значительной из всего, что я до сих пор писал».

14 октября 1939 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Комарова и 45 лет с начала его научной деятельности. Этот юбилей имел статус государственного

празднования. Раменский в этом случае поздравляет Комарова вовремя. 15.10.1937 г. он пишет из Баку, где находился в командировке: "Дорогой Владимир Леонтьевич, позвольте поздравить Вас, во-первых, с выздоровлением от болезни, перенесенной Вами на Кавказе¹, во-вторых – с Вашим почти полувековым юбилеем и с полученной Вами высокой наградой – Орденом Ленина; поздравить – и пожелать на долгие годы здоровья и сил, все остальное приложится. Насколько огорчали меня известия о Вашей болезни, настолько я рад от сердца Вашему выздоровлению; Вы всегда были мне дороги, еще в прошлые времена, когда мы оба были много моложе...

Езжу по командировке Института кормов; приехал в Теберду, кажется, в день Вашего отъезда оттуда; хотелось повидать, но не решился беспокоить».

В этом письме содержится еще и благодарность «за помощь в отношении публикации моей большой работы («опыт рационализации»); так что она, наконец, появится в свет». Как становится ясным из последующих писем, Комаров согласился стать редактором книги Раменского «Опыт рационализации комплексного почвенно-геоботанического исследования земель».

Борьба за публикацию этой книги продолжается и в 1940 г.

10.06.1940 в АН СССР было отправлено официальное письмо, которое мы приводим ниже.

«Президенту Академии наук
академику Владимиру Леонтьевичу Комарову,
Биологическому отделению АН СССР,
Совету по изучению производительных сил при АН СССР,
от сотрудника СОПС АН,
д-ра биологических наук
Л.Г. Раменского

Настоящим прошу Вас принять эффективные меры к напечатанию моей работы «Опыт рационализации комплексного почвенно-геоботанического исследования земель». Работа эта, объемом около 18 печ. листов, является первым развернутым изложением оригинальных методов обработки исследовательских материалов, изложением, в котором эти методы не только декларированы, но обоснованы как теоретически, так и практикой исследований в различных природных зонах СССР. Рукопись была представлена зимою 1938-1939 гг., ответственную редакцию любезно взял на себя президент АН Владимир Леонтьевич Комаров, работа стоит в плане издания СОПС АН. Однако в 1939 г. работа не была издана и в настоящее время сдача ее в производство задерживается непредставлением на нее рецензии академиком Б. А. Келлером (для какой цели рукопись была сдана ему еще 2 месяца назад). Также лишь недавно сдал свою рецензию Почвенный институт АН.

Думаю, что имеющихся рецензий достаточно для решения вопроса о печатании работы, тем более, что эта работа получила авторитетную оценку президента АН В.Л. Комарова. По работе имеются следующие отзывы и рецензии:

А. Безоговорочно положительные». Раменский перечисляет 7 положительных отзыва с указанием лиц и организаций. Мы опускаем это перечисление.

¹ Будучи на отдыхе в Теберде Комаров в августе 1939 г. перенес инсульт и левосторонний паралич, после чего он находился там до середины октября (Савина, 2012).

«Б. Положительный (признающий ценность работы и необходимость ее публикации), но с большими оговорками отзыв Почвенного института АН.

Обращаю Ваше внимание на то, что среди отзывов и рецензий нет ни одного отрицательного, не признающего ценности метода и работы, его излагающей и обосновывающей, все отзывы и рецензии считают нужной публикацию работы. Считаю необходимым отметить тенденциозность и необыкновенно низкий уровень критических замечаний рецензии (отзыва), составленной анонимной группой сотрудников Почвенного института АН (разбор этой рецензии прилагаю).

Рукопись первоначально была написана 7 лет назад, затем неоднократно перерабатывалась в связи с накоплением новых материалов, последний раз в связи с выходом в свет моей книги («Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель»). Существенные сокращения или переделки текста невозможны без нарушения целостности изложения».

В архиве Комарова хранится восьмистраничный отзыв Почвенного института и ответ на этот отзыв Раменского, написанный на 14-и страницах. Мы не будем их рассматривать. Обратим внимание лишь на одно из предложений Раменского, с которым не согласны рецензенты. Раменский считает, что прежде чем выделять почвенные горизонты, следует сделать анализ изменения морфологических признаков независимо друг от друга по всему почвенному профилю. Почвенные горизонты – это «условные отрезки», которые выделяются по результатам этого анализа. Здесь мы можем усмотреть аналогию со взглядами Раменского на индивидуальную экологии видов и континуальность растительного покрова.

Не дожидаясь ответа на свое официальное письмо, Раменский 13.06 1940 г., используя как повод письмо с поздравлением Комарова по случаю присвоения его имени Ботаническому институту, вновь просит его содействия в организации публикации книги.

«Дорогой Владимир Леонтьевич, во-первых, сердечный привет и поздравление с почетным актом – наименованием БИНа по Вашему имени. Во-вторых, позвольте обратиться к Вам с небольшим делом: В.Л., прошу Вас настоять на том, чтобы без дальнейших проволочек напечатали мою работу, стоящую в плане издательства Академии, работу, по которой Вы полтора года назад любезно согласились быть редактором («Опыт рационализации комплексного исследования земель»). Поверьте мне, что этот труд (результат многолетней работы) не скомпрометируют марку Академии. Принципиальное значение моей работы очень велико – это выход на новые пути для целого ряда дисциплин. Ни каких серьезных принципиальных возражений до сих пор не слышал. Почвенный институт всячески желал бы угробить меня (мою работу), но то, что они (анонимная группа сотрудников!) написали в виде «отзыва» - ниже всякой критики – сплошное (и неумное) жульничество – передергивание, выхватывание фрагментов вне всякой связи с целым и т. д. (я написал откровенную отповедь - мне стыдно за них). Но уже эти «приемы» показывают, что ничего серьезного у них нет, а, с другой стороны, и они не решаются говорить, что не следует печатать мою работу. Ушаков (зам. председателя СОПСа) на днях должен быть поставить пред Вами вопрос о моей работе. Не решаясь утруждать Вас деталями, просто прошу Вас поверить мне, что моя работа заслуживает печати, что не публиковать ее – «значит задерживать развитие науки» (выражение одного из рецензентов-почвоведов, давшего очень обстоятельный и

добросовестный разбор моей рукописи). Уверенно говорю, что публикация моей работы в конечном счете явится для Академии плюсом, а не минусом, и плюсом достаточно серьезным. Простите за длинное изложение, поверьте моей добросовестности и продуманности всех моих слов. Крепко жму Вашу руку».

Письмо от 09.01.1941 г. свидетельствует о том, что 2 года упорной борьбы за издание книги успеха так и не принесла.

«Дорогой Владимир Леонтьевич, во-первых, я был сердечно рад вести о том, что Ваше здоровье поправилось. Во-вторых, простите меня, опять докучаю Вам своими делами. Впрочем, они не узколичные, они имеют общее значение – иначе бы я Вас не беспокоил. Прилагаю обращение к Академии наук: прошу Вас дать ему ход. Мою методическую работу, по которой Вы любезно согласились быть редактором, сняли с плана издания 1941 г., услышал об этом с глубоким огорчением: неужели принципиально важная работа очень общего значения не имеет права появиться в печати... в СССР?! Я знаю, что придет время, когда это затирание моего опыта, того принципиально нового, к чему я пришел, не будет поставлено в заслугу АН и ее учреждениям (группа работников Почвенного института). В.Л. может быть Вы Вашим авторитетом могли бы настоять на публикации моей работы в этом году? Поверьте, что Вам не придется за это краснеть. Извините, если пишу не то, что надо, - невольно волнуюсь.

В своем заявлении Президиуму АН я прошу об организации дискуссии и о минимальном содействии мне в некотором завершении и реализации ранее веденных работ.

За всякое содействие буду Вам глубоко признателен. На днях все же постараюсь лично повидать Вас – услышать Ваше мнение и совет».

Следующее письмо не имеет даты. Но по содержанию и по порядковому расположению его в архиве Комарова можно предположить, что отправлено оно было в 1941 г.

«Дорогой Владимир Леонтьевич, передаю Вам тезисы по вопросу о своей методической работе (первый экземпляр тезисов был мною Вам передан через Надежду Викторовну¹ в июне, но м. б. он затерялся). Позвольте напомнить Вам мои просьбы:

1. Настоять на печатании моей рукописи «опыт рационализации комплексного исследования земель», по которой Вы в свое время любезно согласились взять на себя редакторство.

2. Предложить (вновь Отделению биологии?) организовать мой доклад и дискуссию на тему моих методических работ.

3. Оказать материальную помощь (хотя бы минимальную) моей дальнейшей методической работе.

Я не решился бы докучать Вам со своими делами, если бы не был уверен в серьезном объективном значении своей работы.

Буду глубоко благодарен за всякую информацию по затронутым вопросам. Через 2 дня еду в Свердловск – решать вопрос о приемке кафедры и своем туда переселении».

Это письмо написано в спокойном тоне, но окончание его говорит о том, что Раменский решился резко изменить свою жизнь. Связано ли это с неблагополучной

¹ Надежда Викторовна Комарова – вторая жена В.Л. Комарова.

ситуацией, сложившейся с публикацией его книги, неудовлетворенностью работой в Институте кормов и неоправдавшимися надеждами на переход в систему АН или семейными обстоятельствами, остается неясным. Мы знаем лишь, что Раменский не уехал в Свердловск, а продолжал до конца жизни работать в Подмоскovie в Институте кормов. Возможно, переезд Раменского остановили лишь трагические события, начавшие свой отсчет 22 июня 1941 г.

Последнее письмо Раменского датировано 14.10.1944, когда Комарову оставалось жить немногим более года.

«Дорогой Владимир Леонтьевич, помимо участия в коллективном приветствии сотрудников Института кормов, позвольте мне от себя лично поздравить Вас и пожелать Вам здоровья и сил на многие годы. Я с давних пор сердечно люблю и уважаю Вас как человека и ученого, и прежде всего – как глубокого, хорошего и настоящего человека. Ото всей души желаю Вам здоровья и бодрости. Сожалею, что не могу быть лично на торжестве. Если позволите, забегу к Вам пожать Вам руку. Сердечный привет Надежде Викторовне! Ваш давний ученик и бывший сотрудник. Л. Раменский».

Письма Раменского, хранящиеся в архиве Комарова, приоткрывают лишь очень небольшую завесу над некоторыми сторонами жизни и деятельности этого необыкновенного человека. То, что Комаров был учителем Раменского и сотрудничал с ним в петербургский период жизни, было известно и ранее (Работнов, 1953, 1984), но то, что они сохраняли дружбу фактически всю жизнь, пожалуй, становится ясно лишь после знакомства с этими письмами. Из них видно, что они неоднократно встречались и в Москве, куда Комаров переехал, став президентом АН СССР. Раменский бывал у Комарова дома, был знаком с его домашними. Об этом свидетельствуют и прямые указания, и приветы, которые он передает женам Комарова.

Но отношения эти меняли свой характер. В дореволюционное время Раменский относился к Комарову вначале как ученик, а затем как подчиненный по работе в Неврологическом институте сотрудник. В годы гражданской войны, когда Раменский жил в Воронежской области, и когда они одинаково голодали, Комаров был для Раменского просто другом. Он ему рассказывает о семейных неурядицах, проблемах со здоровьем, сочувствует Комарову и даже приглашает приехать в Воронеж работать, хотя и сознает, что это выглядит несерьезно; без всяких формальностей в середине письма он поздравляет Комарова с выдвижением в академики в 1920 г.

Ситуация резко меняется в 30-х годах. Они очутились в совершенно другой стране, в сравнение с той, в которой они встретились и сблизились. В новой среде их вертикальные карьеры разительно отличаются. Комаров, несмотря на то, что был старше на 15 лет, сумел удачно вписаться в новую систему социальных взаимоотношений. Он достиг вершины административного положения в науке – стал президентом АН СССР. В отличие от него, Раменский выше должности заведующего отделом института не поднялся. Если первый был осыпан наградами и почестями, с устройством помпезных юбилеев, прижизненным названием его именем института, то совершенно неизвестно получал ли вообще какие-либо награды второй. В этот период Раменский в письмах либо поздравляет Комарова с выздоровлением, новым постом, наградой или юбилеем, либо просит о помощи, а нередко он совмещает и то, и другое в одном письме. Кстати, можно заметить, что письма,

содержащие одновременно поздравления и просьбы, простительны, если они приходят от близкого друга.

Наиболее часто звучат его обращения к Комарову перевести его на постоянную работу из Института кормов в организацию системы Академии наук. Но Комаров, судя по тому, что Раменский так и продолжал работать в Институте кормов, не помог ему в этом. Берем на себя смелость предположить, что Комаров поступил так сознательно.

Для того, чтобы понять Комарова, кроме исторической обстановки, надо представить психологический портрет Раменского. Его письма в сочетании с научными идеями дают возможность, хотя и не в полной мере, реконструировать этот портрет. Раменский был неординарным ученым, с революционными взглядами, причем одновременно в различных областях наук: фитоценологии, экологии, почвоведении, географии. Но из писем видно, что Раменский не был затворником, корпящим в тишине над рукописями, а был человеком с высокими амбициями, требующий незамедлительного общественного признания его идей, уверенный в их бесспорной правоте. Для того, чтобы убедить в этом научное сообщество, он просит Комарова устроить дискуссию в стенах Академии наук, ускорить публикации своих воззрений и методов. Участь открытий Менделя его не совершенно устраивает!

Под такого специалиста как Раменский, надо было бы создавать, по крайней мере, лабораторию в одном из академических институтов. Роль подчиненного кому-либо была не для него, т. е. надо бы предложить Раменскому довольно высокий пост. Однако появление Раменского в академических кругах, могло привести если не к скандальным столкновениям, то к определенной напряженности его отношений с членами-корреспондентами и академиками традиционных научных ориентаций, такими, как В.Н. Сукачев, Б.А. Келлер, Л.И. Прасолов, уже занявших позиции лидеров научных школ. Все это могло стать для Комаров дополнительной «головной болью». Он, знавший Раменского с юношеских лет, надо думать, это хорошо понимал.

Наиболее сложные отношения, как нам кажется, могли сложиться в Академии у Раменского с Сукачевым. Мало того что они имели совершенно разные представления о таком понятии как «фитоценоз» (Миркин, Наумова, 1999). Некоторые весьма авторитетные отечественные географы (Исаченко, 1971; Мильков, 1974) полагали, что в своей книге 1938 г. «Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель» Раменский дал определение такой ландшафтной единицы как «фация», которое фактически ничем не отличается от понятия «биогеоценоз», которое несколько лет спустя предложил В.Н. Сукачев. Более того, по их мнению, эта книга положила начало развитию учения о морфологии ландшафта. А вот как несколькими годами ранее, чем это сделали упомянутые географы, сам В.Н. Сукачев (1966, стр. 7) на заседании МОИП, посвященном памяти Раменского, оценил эту книгу: «Затем надо назвать его большой труд «Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель», изданный в 1938 г. Этот капитальный труд сыграл очень большую роль главным образом в изучении кормовых угодий». Вот так: «главным образом в изучении кормовых угодий». И все! Эта оценка совсем другого порядка!

Возможно, что на перевод в систему Академии наук Комарова останавливало и родословная Раменского. Он родился в семье очень богатых купцов и по сослов-

ному происхождению относился к «потомственным почетным гражданам» Российской Империи.

Комаров предпочел помогать своему ученику и другу иными способами. Несомненно, что лишь благодаря ему Раменский на правах совместителя работал несколько лет в СОПС, которым руководил президент АН СССР. Видимо, когда Раменский обращался к Комарову за финансовой поддержкой своих исследований, он рассчитывал получить деньги именно через СОПС, и, вероятно, получал их. К категории значительной моральной поддержки следует отнести согласие Комарова стать ответственным редактором книги «Опыт рационализации комплексного почвенно-геоботанического изучения земель», имевшей столь сильных противников, что она так и не появилась в свет.

В заключение обзора писем Раменского следует сказать, что личность такого масштаба заслуживает создания солидной научной биографии, в которой на фоне исторической обстановки были бы прослежены основные этапы его жизни, о деталях которой известно весьма немного. Можно лишь сожалеть, что много времени для сбора материала для нее уже упущено. Люди, лично знавшие Раменского, уже ушли из жизни. Теперь для подготовки такой монографии пришлось бы рассчитывать только на архивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исаченко А.Г. Развитие географических идей. М.: «Мысль», 1971. 416 с.

Мильков Ф.Н. Л. Г. Раменский – основоположник учения о морфологии географического ландшафта // Изв. АН СССР. Сер. Географическая. 1974. № 1. С.141-145. - **Миркин Б.М., Наумова Л.Г.** Наука о растительности (История и современное состояние основных концепций). Уфа: Гилем, 1998. 412 с.

Работнов Т.А. Л. Г. Раменский // Ботанический журнал. 1953. Т. 38. № 5. С. 773-788. - **Работнов Т.А.** К столетию со дня рождения Леонтия Григорьевича Раменского (18/VI 1884 – 29/I 1953) // Бюл. МОИП. 1984. Отд. Биол. Т. 89. Вып. 3. С.120-133. - **Раменский Л.Г.** Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель. М., Сельхозгиз, 1938. 620 с. - **Раменский Л.Г.** О сравнительном методе экологического изучения растительных сообществ // Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. СПб. 1910. Вып. 7. С. 389-390.

Савина Г.А. 2012. Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров - президент АН СССР. http://alexander-apel.narod.ru/library/akademik_komarov.htm - **Сукачев В.Н.** Л. Г. Раменский как ученый // Тр. МОИП. 1966Т. 27. С. 7-8.